

Онтотеологическое понимание языка в работах И.Г. Гамана

Алексей В. Лызлов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, a_lyzlov@mail.ru*

Аннотация. Понимание языка в работах И.Г. Гамана в существенных чертах предначертывает философию языка М. Хайдеггера. Однако если Хайдеггер отказывается от использования теологических понятий и мыслит язык исключительно в онтологическом ключе, гамановское понимание языка является не чисто онтологическим, но онтотеологическим. В своей философии языка И.Г. Гаман размышляет об отношении между словом Божиим и словом человеческим; о речи как «перевод» звучащего в творении слова Божия на человеческий язык; о специфике человеческой ситуации после грехопадения и т. п. Согласно Гаману, всякая вещь является «оплотненным» словом Создателя, которое способен понимать человек как «словесное» существо. При этом, размышляя о человеческом языке, Гаман подчеркивает его историчность, а также его неразрывную связь с половым началом и способностью к творчеству, и раскрывает единство разума и языка. Все эти темы Гаман разрабатывает в полемике с современной ему философией Просвещения, оспаривая характерное для просветителей инструментальное понимание языка и понимание ими разума как не имеющей никаких внешних предпосылок, надындивидуальной и надъисторической инстанции.

Ключевые слова: Гаман, Кьеркегор, Хайдеггер, Просвещение, язык, слово, речь, аналогия, творение, философ, поэт

Для цитирования: Лызлов А.В. Онтотеологическое понимание языка в работах И.Г. Гамана // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 3. С. 36–47. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-36-47

Ontotheological understanding of language in the works by J.G. Hamann

Aleksei V. Lyzlov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, a_lyzlov@mail.ru*

Abstract. Understanding of the language in the works by J.G. Hamann is considered as preceding the M. Heidegger's philosophy of language. However, if Heidegger refuses the theological concepts and thinks the language exclusively in an ontological way, Hamann understands the language not in an ontological, but in an ontotheological way. Hamann's apprehension of the word as both the ground of all things and the basis of human understanding is discussed. The relationship between the word of God and the word of man; speech as a "translation" of the God's word, that sounds in the creation, into the human language; the specifics of the language situation after the fall, are discussed as the essential themes of Hamann's philosophy of language. The historicity of human language and speech and the interrelations between language, creativity and sexuality are posed as important themes of Hamann's controversy with the contemporary to him philosophy of the Enlightenment contesting the instrumental understanding of language characteristic of the Enlighteners and their understanding of reason as having no external preconditions, a supra-individual and supra-historical instance.

Keywords: Hamann, Kierkegaard, Heidegger, Enlightenment, language, word, speech, analogy, creation, philosopher, poet

For citation: Lyzlov, A.V. (2020), "Ontotheological Understanding of Language in the Works by J.G. Hamann", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 36–47, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-36-47

Если бы я был столь красноречив, как Демосфен, то и тогда мне не оставалось бы ничего другого, как трижды повторить единственное: разум есть язык, λόγος. Эту мозговую кость я грызу и буду грызть до самой смерти. По-прежнему тьма скрывает от меня эти глубины, я по-прежнему жду апокалиптического ангела с ключом от этой бездны.

Гаман – Гердеру¹

¹ *Hamann J.G.* Briefwechsel. Band. 5. Wiesbaden: Insel, 1972. S. 177.

Иоганн Георг Гаман (1730–1788) – мыслитель, не только оказавший влияние на философию и литературный процесс своего времени, но и сумевший дать импульсы, которые найдут продолжение уже в философии XIX и XX вв. Так, И.Г. Гаман является предшественником С. Кьеркегора (хорошо знавшего его работы) в рассмотрении мышления как укорененного в личном экзистировании (*Tilværelse*) человека и в ряде моментов, принципиальных для кьеркегоровской разработки проблемы бытия самим собой; а своим пониманием языка он в важных чертах предваряет философию языка позднего Хайдеггера, относившегося к Гаману с большим интересом и уважением. Но если применительно к Хайдеггеру мы можем говорить об онтологическом осмыслении языка (язык как «дом бытия»²), то Гаман как уникальный для своего времени мыслитель-христианин рассматривает язык скорее в онтологическом ключе.

Тема языка, по оценке самого Гамана, является важнейшей темой его философии. В разнообразных аспектах своей полемики с современными ему философами Просвещения (по отношению к которым он претендует на позицию «радикального просветителя», действительно отваживающегося пользоваться собственным умом, а не руководствоваться мнением публики о том, что следует считать «просвещенной» мыслью³) Гаман постоянно выходит к вопросу о языке. Более того, само «рождение» Гамана как уникального христианского мыслителя, каким мы его знаем, связано с событием, в центре которого стоит его встреча со *словом* Библии. И именно этот опыт встречи со *словом* и критического узнавания себя в *слове* («схождения во ад самопознания», по выражению самого Гамана) является, на наш взгляд, структурообразующим для всей последующей гамановской философии языка.

И.Г. Гаман родился и вырос в Кенигсберге. Еще в детские годы он обнаруживает любовь к чтению и большую любознательность, и родители делают все, чтобы дать ему возможность развиваться. В 16 лет Гаман поступает в Кенигсбергский университет, первоначально на теологический факультет, но затем он фактически сам

² Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 192.

³ См. разработку этой позиции в «Сократических достопримечательностях» Гамана: *Hamann J.G. Schriften*. Hrsg. von Friedrich Roth. Zweiter Theil. Berlin, G. Reimer, 1821.

начинает формировать свой учебный план, посещая интересные ему курсы преподавателей с разных факультетов. В процессе учебы он много читает; в то же время с радостью общается и находит в университете новых друзей. Вместе с двумя друзьями – И.Г. Линднером и И.К. Беренсом – Гаман в 1750 г. издает еженедельный женский журнал «Дафна»⁴. В 1752 г. Гаман завершает учебу в университете, так и не получив аттестат по какой-либо специальности, и устраивается работать домашним учителем в Риге. При этом, обладая широким кругом интересов и продолжая много читать, Гаман не чувствует, что нашел себя в каком-либо деле. В то же время его друг Кристоф Беренс, коренной рижанин, молодой представитель крупного торгового дома Беренсов, думает о возможности сделать Гамана своего рода пресс-секретарем своей семейной фирмы и для начала предлагает Гаману поехать в Лондон с деловым поручением. Гаман соглашается и отправляется в путешествие, которое станет для него судьбоносным.

Нам неизвестны подробности поручения, с которым был послан в Лондон Гаман. Как предполагает Й. Надлер, умалчивание этих подробностей и Гаманом, и Беренсом может быть связано с тем, что поручение имело отношение к политике [Nadler 1949, S. 74]. Так или иначе, но поручения Гаману выполнить не удалось. 8 февраля 1758 г. Гаман поселяется в комнате на улице Мальборо, задолжав к этому времени более £300. Он оказывается один в окружении своих книг, в расстроенных чувствах, и испытывает проблемы со здоровьем. Он пробует читать, но книги оказываются неспособны его увлечь. И тут Гаману приходит на ум перечитать Библию.

Это чтение стало для Гамана важнейшим поворотным событием его жизни – событием, благодаря которому он находит ключ к пониманию собственной жизни и становится уникальным для своего времени христианским мыслителем, каковым он будет оставаться на протяжении всей своей последующей жизни.

Друг, который мог бы дать мне ключ от моего сердца, нить, по которой я вышел бы из моего лабиринта – как часто я желал этого, не умея верно понять и увидеть содержание моего желания. Хвала Богу! я нашел этого друга в моем сердце, прокравшегося в него, когда я сильнее всего чувствовал его пустоту, темноту и бесплодие⁵.

⁴ Женский журнал в то время представлял собой то, что мы называли бы скорее научно-популярным изданием. По оценке Й. Надлера, «Дафна» была одним из лучших издававшихся в XVIII в. еженедельных журналов такого рода [Nadler 1949, S. 43].

⁵ *Hamm J.G. Londoner Schriften. München: Verlag C.H. Beck, 1993. S. 337.*

13 марта 1758 г. Гаман пробует приступить к чтению. Он не сразу сумел вчитаться, на несколько дней откладывает это занятие, но через несколько дней, 19 марта, в Вербное воскресенье, он вновь берется за чтение Библии и одновременно начинает писать текст, известный нам сегодня как «Библейские размышления христианина». Текст этот изначально не задумывался Гаманом как предназначенный для публикации и не писался им как попытка *post factum* зафиксировать важные моменты чтения. Работа Гамана над «Библейскими размышлениями христианина» представляет собой письмо, включенное в сам процесс чтения как таковой и являющееся принципиально важной составляющей этого процесса. Рождение и развитие понимания явственно раскрывается в этом письме как активный и диалогический процесс, как словесный ответ на читаемое слово. Такой эксплицитно диалогический характер гамановское письмо будет сохранять и во всех его позднейших работах. Любое из произведений Гамана – это ответ на сказанное другими, причем ответ, который он будет давать, одновременно продолжая отвечать слову Писания, которое станет для него ключом к пониманию жизни.

Завершив чтение 21 апреля, Гаман пишет еще несколько текстов. Это «Мысли о ходе моей жизни», «Мысли о церковных песнопениях», «Крохи», «Размышление о ньютоновом⁶ *Трактате о пророчествах*», «Молитва». Эти работы документируют рождение Гамана-мыслителя. Читая их, мы видим, что слово Писания не только дало Гаману «ключ от его сердца» и вывело его из «внутреннего лабиринта», дав ему понять и найти себя, но и стало для него ключом к пониманию природы и истории.

Если Бог проявляет Себя даже в малейшей травинке, может ли самое ничтожное деяние человека значить нечто меньшее? <...> Природа и история суть... два больших комментария к слову Божию; слову, какое есть единый ключ и единое познание, раскрываемое в них обоих. <...>

Нельзя ли о Сократе, ссылающемся на своего ангела-хранителя, сказать то же, что говорится о Петре: он не знал, что говорил, – или то же, что говорится о Каиафе, который пророчествовал и возвещал Божию истину, хотя ни он, ни его слушатели ничуть не восприняли того, что сказал через него Дух Божий. В замечательной истории Саула и Валаама показано, что Божие откровение являет себя даже через идиологов и даже в тех, кто стал орудием ада, и что оно использует таковых, делая их своими слугами и работниками, как это было с Навуходоносором.

⁶ Имеется в виду Томас Ньютон (1704–1782), епископ Бристольский.

Один английский священник пытался впервые ввести в учение о природе помазание благодати; нам не хватает еще одного Дерхама, который открыл бы для нас в царстве природы не, скажем так, Бога голого разума, но Бога Священного Писания, показывающего нам, что все ее сокровища суть не что иное как аллегория, мифологическая картина небесной системы – как и все события мировой истории суть тени таинственных явлений и явленные чудеса. *Иер. XXXII*⁷.

Рассматривая заявляемый здесь подход к пониманию природы и истории, важно обратить внимание на ряд принципиальных для Гамана моментов.

1. Когда Гаман говорит о природе и истории как двух «комментариях к слову Божию», это, помимо прочего, предполагает, что и первая, и вторая имеют *языковой характер* и организованы как *речь*, которая может быть понята человеком – пусть даже и всегда «отчасти»⁸. Язык при таком подходе не может мыслиться как система знаков, указывающих на вещи, данные человеку вне и помимо языка, и на столь же внеязыковые отношения между вещами, но должен пониматься как *исходный способ устроенности* сущего и одновременно как *исходный способ данности* сущего человеку как существу «словесному» (ζῆλον λόγων ἔχον).

2. «Чтение» книг природы и истории как «двух комментариев к слову Божию» осуществляется благодаря слушанию и слышанию слова Божия – слышанию, формирующему способность понимания подобно тому, как занятия музыкой формируют и развивают музыкальный слух.

Какое значение может иметь различие между естественной религией и религией откровения? Если я верно его понимаю, то первая и вторая отличаются не больше, чем глаз человека, видящего картину и не понимающего ничего ни в живописи, ни в изображенном сюжете или истории, и глазом художника; чем природный слух и музыкальный слух⁹.

3. Несмотря на «платонический» оттенок, слышащийся у Гамана, когда он говорит о том, что все сокровища природы «суть не что иное как аллегория, мифологическая картина небесной системы – как и все события мировой истории суть тени таинственных

⁷ *Hamann J.G.* Londoner Schriften. München: Verlag C.H. Beck, 1993. S. 112.

⁸ *Ibid.* S. 407.

⁹ *Ibid.* S. 411.

явлений и явленные чудеса», Гаман чужд пафоса поиска *прямого* обращения к «небесной системе» и «таинственным явлениям», минуя *явления* природы и истории. Напротив, по мысли Гамана, природа и история – имеющие, как было сказано выше, *характер языка*, – раскрывают свой смысл только при обращении к чувственно (*sinnlich*) данным явлениям так же, как и значение слова может быть воспринято нами, лишь когда слово оказывается *услышано* или *увидено* (и прочитано) нами. И так же, как именно в своей чувственной форме слово дано нам как нечто *единое* при всем многообразии его возможных коннотаций, так и всякая вещь и событие *в их чувственной явленности* представляют собой единство, допускающее различные его «прочтения» и трактовки.

4. Никакое человеческое прочтение книги мира и книги истории не исчерпывает читаемого. «Наши мысли не что иное как фрагменты»¹⁰, – пишет он в своих «Крохах».

Вернувшись из Лондона, Гаман рассказывает Беренсу о том перевороте, который произошел с ним в Лондоне, но в лице последнего встречает непонимание и подозрение в нездоровой религиозной экзальтации. Беренс не только дает Гаману понять свое отношение к его «Лондонскому переживанию», но и видит свою задачу в том, чтобы вернуть Гамана к просветительским взглядам, каковые и представлялись Беренсу здоровыми. К решению этой задачи Беренс чуть позже привлечет и Канта, знакомство и добрые отношения с которым Гаман будет затем поддерживать в течение всей последующей жизни.

Вернуть Гамана к идеям Просвещения Беренсу не удалось: напротив, его попытка сделать это побудила Гамана вступить в философскую полемику с просветительской мыслью своего времени – полемику, которую он будет вести до конца своей жизни.

Основной мишенью гамановской критики Просвещения становится просветительское понимание разума как автономной силы, способной вершить суд над историческими предрассудками и заблуждениями человечества. В противовес просветителям, Гаман постоянно показывает историчность разума и его суждений, все время в разных аспектах раскрывая *языковой характер разума*, его укорененность в языке. «Язык – мать разума», «разум есть язык», – постоянно утверждает Гаман. Задачей Гамана является при этом не «низвержение» разума, а преодоление искаженного, редукционистского его понимания; не оспаривание возможности разума приходиться к общезначимым результатам, но демонстрация того, что лю-

¹⁰ Ibid. S. 407.

бое общезначимое познание обретается только изнутри фактичности человеческого существования, историчной по самому своему существу. Одновременно Гаман показывает *индивидуальное* как исток *общезначимого*. Общезначимое, по мысли Гамана, раскрывается лишь в результате первичного, творческого усилия индивида – усилия, совершаемого им как «словесным», языковым существом.

При этом Гаману приходится полемизировать и с просветительским пониманием языка. Не видя в языке исток и предпосылку разума, просветители были склонны относиться к нему как к используемому разумом инструменту. Такое понимание порождало как проекты, направленные на руководимое разумом усовершенствование этого инструмента (как, например, предложение рационалиста Христиана Тобиаса Дамма перестать изображать на письме не читаемую букву ‘h’, в котором Гаман увидел угрозу рационалистического выхолащивания языка и на которое он ответил своей сатирически написанной «Новой апологией буквы ‘h’»¹¹, так и варианты философии языка, ориентированные на инструментальное его понимание. Из последних необходимо прежде всего вспомнить то понимание языка, которое дает ученик и друг Гамана И.Г. Гердер в своем «Трактате о происхождении языка»¹². Этот трактат, удостоенный премии Берлинской академии наук, являвшейся в то время одним из оплотов немецкого Просвещения, был встречен Гаманом резко полемически. Гердеровский подход к языку как к системе знаков, способных однозначно указывать на до и помимо языка данные вещи, не мог удовлетворить Гамана. Ведь для Гамана, как мы уже отметили выше, вещь не может мыслиться ни как существующая, ни как данная нам вне языка; язык для него это то, чем одновременно определяется и бытие всего сущего, и способность человека (как ζῶον λόγον ἔχον) это сущее понимать.

Гаман ориентирован на слово Писания как ключ к познанию сущего. Согласно же библейскому повествованию о сотворении мира, всякая вещь является как бы оплотненным словом Бога. Человек, сотворенный по образу Божию, способен читать «книгу мира»; человек – это творение Божие, с которым Он говорит посредством творения (вещей и явлений сотворенного мира)¹³. Человеческий язык – основа *человеческого* восприятия мира и *человеческого* его

¹¹ *Hamann J.G. Neue Apologie des Buchstaben h // Hamann J.G. Sämtliche Werke. Bd. 2. Wien: Thomas-Morus-Presse im Herder Verlag, 1951. S. 93–108.*

¹² *Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 88 с.*

¹³ *Гаман И.Г. Aesthetica in nuce // Гильманов В.Х. Философия «образа» И.Г. Гамана и Просвещение. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 481.*

постижения; единый корень чувственности и рассудка, как на это будет указывать Гаман в полемике с Кантом. При этом человеческое слово связано со словом Бога как Творца неба и земли (ποικίτην οὐρανοῦ καὶ γῆς) отношением аналогии; первой речью человечества (сохраняющей онтологическое первенство и впоследствии) была, по Гаману (вслед за Дж. Вико, которого он читал), речь поэтическая. Говорение Гаман понимает как «перевод» звучащего в творении слова Божьего на человеческий язык; отношение аналогии указывает на возможность такого перевода и одновременно на то, что никакой такой человеческий «перевод» не исчерпывает переводимого.

По мысли Гамана, в нынешнем, падшем состоянии человечества целостность восприятия человеком «поэмы» Божьего творения оказалась утрачена, и

...для нас в природе остались только обрывочные строфы и *disiecti membra poetae*. Собрать их вместе – призвание ученого, дать им толкование – призвание философа; воспроизвести их в подражании их единой целостности – или даже еще дерзновеннее! – оживотворить их – вот скромный удел поэта¹⁴.

Указанную задачу поэт решает не в отречении от специфики родного ему языка, диалекта и индивидуальной манеры говорения, но лишь актуализируя возможности таковых. Только так «каждая индивидуальная истина вырастает до пределов общего основания плана мира... и этот план... становится острием индивидуальной точки зрения»¹⁵.

В «скромном уделе поэта», как раскрывает его Гаман, можно увидеть близость тому пониманию поэта как хранителя «жилища языка», которое мы находим у позднего Хайдеггера. В то же время у Гамана несколько сильнее акцентирован момент индивидуально-личностного и специфически-языкового (диалекта, национального языка и т. п.) как предпосылка того аутентичного, «оживотворяющего» чтения строф книги мира «в подражание их единой целостности». С этим моментом связана и важная линия гамановской критики Просвещения как политического проекта. Для Гамана важно, что язык существует в его употреблении, в практике устной и письменной речи. В работе «Смешанные заметки о словоупотреблении во французском языке»¹⁶ он указывает на существенное сходство

¹⁴ Там же. С. 481.

¹⁵ Там же. С. 494.

¹⁶ *Hamann J.G. Vermischte Anmerkungen über die Wortfügung in der*

языка и капитала, слов и денег. Слова, как и деньги, постоянно находятся в обращении, товарно-денежный обмен и обмен словами подобны друг другу. И так же, как правильная организация товарно-денежного обмена является условием здоровья экономики страны, так и здоровая жизнь слова и здоровый словесный обмен – условие социально-политического здоровья народа. Но здоровый словесный обмен – это для Гамана такой обмен, при котором язык раскрывается во всей палитре возможностей употребления слова, и одновременно индивидуальность имеет все возможности для творческого раскрытия себя в слове (через каковое раскрытие она участвует в обновлении языковой ситуации своего времени). Согласно Гаману, основополагающие черты присущего тому или иному народу устройства социальной жизни заложены в устройстве национального языка; и чем органичнее и полнее возможности национального языка находят осуществление в актуальном словесном обмене, тем более полноценной является социальная жизнь в данном народе.

Раскрывая указанным образом связь между жизнью языка и жизнью общества, Гаман, с одной стороны, критикует ту линию немецкого просвещения, которая развивалась под покровительством Фридриха Великого, за ее ориентацию на французов и французский язык, неразрывно связанную, по мысли Гамана, с попыткой насаждения в Пруссии неорганичных для немцев как носителей другого языка, форм социальности и социальной коммуникации. С другой стороны, и весь социально-политический проект просвещения критикуется Гаманом как несущий угрозу рационалистической обедняющей пурификации языка и сопряженного с ней унифицирующего выхолащивания социальной жизни.

Сказанное выше дает лучше понять, что именно *философия языка* служит для Гамана той основой, на которой он строит свою критику стремления просветителей утвердить разум в качестве самодовлеющей надысторической и надындивидуальной инстанции, способной быть судьей человеческих «предрассудков» и основой для построения «просвещенного» государства и общества: инстанции, которая стремится дезавуировать исторические, национальные, религиозные и индивидуальные факторы в качестве определяющих жизнь общества и государства и готова допустить их наличие лишь в качестве *частных* особенностей или убеждений ряда лиц. Важно понимать, что универсализму просвещенческого разума как несущего угрозу *полноте человеческого существования* (в частности, тем, что он отказывает человеку в возможности пре-

französischer Sprache // Hamann J.G. Sämtliche Werke. Bd. 2. Wien: Thomas-Morus-Press im Herder Verlag, 1951. S. 127–136.

тендовать на всеобщую значимость и истинность ряда своих убеждений, например проповедуя их, а не довольствоваться правом обладать ими как своим частным мнением) Гаман противопоставляет универсализм другого рода – универсализм евангельского благовестия, которое не подвергает унификации своеобычное и индивидуальное и не отказывает человеку в возможности претендовать на истинность своих убеждений, но подобно закваске, «квасит» то тесто индивидуального своеобразия и национальных отличий, в которое попадает. «Квасит», давая таковому своеобразию и отличиям раскрыться именно в силу того, что само оно, по вполне здесь уместному выражению А. Бадью, *диагонально* этим отличиям [Бадью 1999].

Когда обращаешься к философии языка И.Г. Гамана, постоянно видишь, насколько далеко он опередил свое время. Его философию языка не принял и, пожалуй, в полной мере не понял и не оценил ни один современный Гаману мыслитель. Но зато на фоне философии XX в. и нашей современности гамановская философия языка кажется в целом ряде черт удивительно современной. Думается, что Гаман – один из мыслителей прошлого, обращение к которому может дать новые импульсы для нашей собственной мысли и помочь нам лучше понять самих себя. Остается выразить надежду, что этот замечательный мыслитель постепенно будет становиться все более известен нам самим и нашим современникам.

Источники

- Гердер И.Г.* Трактат о происхождении языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 88 с.
- Гаман И.Г.* Aesthetica in nuce // Гильманов .Х. Философия «образа» И.Г. Гамана и Просвещение. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 477–545.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Hamann J.G.* Schriften. Hrsg. von Friedrich Roth. Zweiter Theil. Berlin, G. Reimer, 1821. 536 S.
- Hamann J.G.* Neue Apologie des Buchstaben h // Hamann J.G. Sämtliche Werke. Bd. 2. Wien: Thomas-Morus-Presse im Herder Verlag, 1951. S. 93–108.
- Hamann J.G.* Vermischte Anmerkungen über die Wortfügung in der französischen Sprache // Hamann J.G. Sämtliche Werke. Bd. 2. Wien: Thomas-Morus-Presse im Herder Verlag, 1951. S. 127–136.
- Hamann J.G.* Briefwechsel. Band. 5. Wiesbaden: Insel, 1972. 535 S.
- Hamann J.G.* Londoner Schriften. München: Verlag C.H. Beck, 1993. 604 S.

Литература

- Бадью 1999 – *Бадью А.* Апостол Павел. Обоснование универсализма. М.; СПб.: Московский философский фонд: Университетская книга, 1999. 94 с.
- Betz 2009 – *Betz J.R.* After Enlightenment. The Post-Secular Vision of J.G. Hamann. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. 355 p.
- Nadler 1949 – *Nadler J.* Johann Georg Hamann (1730–1788). Der Zeuge des Corpus mysticum. Salzburg: Otto Müller Verlag, 1949. 522 S.

References

- Badiou A. (1999), *Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma* [Saint Paul. A substantiation of the universalism], Moskovskii filosofskii fond, Universitetskaya kniga, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Betz, J.R. (2009), *After Enlightenment. The Post-Secular Vision of J.G. Hamann*, Wiley-Blackwell, Chichester, UK.
- Nadler J. (1949), *Johann Georg Hamann (1730–1788). Der Zeuge des Corpus mysticum*, Otto Müller Verlag, Salzburg, Austria.

Информация об авторе

Алексей В. Лызлов, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; a_lyzlov@mail.ru

Information about the author

Aleksei V. Lyzlov, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; a_lyzlov@mail.ru